

Иван Медведев

МАНИФЕСТ

«ВРЕД КОММУНИЗМА
ДЛЯ РОССИИ,
— или —

ПОЧЕМУ РОССИЮ СПАСЁТ
ТОЛЬКО МОНАРХИЯ»

Иван Медведев

**Вред коммунизма для
России или почему Россию
спасёт только монархия**

*<https://litres.ru/74190383>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Россия — не просто государство, а историческая цивилизация, скреплённая верой, традицией и преемственностью власти. Её сила — в единстве народа и державного начала, в осознании своей особой миссии. Но на протяжении XX века эта органическая природа России была подвергнута жесточайшему испытанию — коммунизму, который нанёс стране раны, до сих пор не зажившие до конца.

Содержание

Глава	4
ГЛАВА 1. ЗОЛОТОЙ ВЕК И ВЕЛИКОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО	5
ГЛАВА 2. АНАТОМИЯ ОБМАНА: ЗЕМЛЯ, ФАБРИКИ И МИР	8
ГЛАВА 3. ВОЙНА ПРОТИВ ГЕНОФОНДА: УНИЧТОЖЕНИЕ ЛУЧШИХ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Иван Медведев

**Вред коммунизма для
России или почему Россию
спасёт только монархия**

Глава

ГЛАВА 1. ЗОЛОТОЙ ВЕК И ВЕЛИКОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Россия — не просто государство, а историческая цивилизация, скреплённая верой, традицией и преемственностью власти. Её сила — в единстве народа и державного начала, в осознании своей особой миссии. Но на протяжении XX века эта органическая природа России была подвергнута жесточайшему испытанию — коммунизму, который нанёс стране раны, до сих пор не зажившие до конца.

Давайте вспомним, с чего всё начиналось. Конец XIX – начало XX века. Российская Империя. Да, были проблемы, я не спорю. Крестьянский вопрос, рабочий вопрос. Но страна развивалась! Мы были пятой экономикой мира! Строились заводы, железные дороги – Транссиб! Рубль был золотым! Столыпинские реформы давали плоды! Мы кормили пол-Европы хлебом!

Разрушительным оказалось разложение элитного слоя, который вместо опоры престола всё чаще становился источником смуты. Часть дворянства, утратив связь с землёй и службой, превратилась в салонных критиков власти, увлечённых либеральными и даже революционными идеями. Интеллигенция, призванная быть хранительницей культуры, нередко видела в государстве главного врага, а в бун-

те — высшую добродетель. В университетах и литературных кружках культивировалась ненависть к «самодержавному произволу», при этом о тяготах простого народа вспоминали лишь как о топливе для политического пожара. Этот нравственный надлом верхов стал страшнее любого экономического кризиса: когда элита перестаёт верить в собственный народ и свою страну, государство лишается духовной брони.

Особую роль в подрыве устоев сыграла и внешняя враждебность. Российская империя воспринималась Западом не как партнёр, а как соперник, которого нужно либо сдержать, либо сломать. Финансовая зависимость от иностранных займов, контроль над ключевыми отраслями со стороны зарубежных акционеров, информационная война в европейской прессе — всё это создавало систему внешнего давления, подтачивавшую суверенитет. Даже крупные проекты вроде Транссиба, призванные укрепить единство страны, одновременно привязывали её к мировым рынкам и делали уязвимой для экономических манипуляций.

Катастрофически сказалась на судьбе Империи и неспособность политической системы вовремя адаптироваться к новым вызовам. Самодержавие, оставаясь символом единства, всё чаще демонстрировало неповоротливость бюрократической машины. Любые попытки реформ наталкивались на сопротивление консерваторов, видевших в переменах угрозу привычному порядку, и на нетерпение радикалов,

требовавших немедленного слома всей системы. В результате власть оказывалась между молотом революционного насилия и наковальней косной реакции, теряя доверие и тех, и других.

И когда грянул 1917 год, трагедия заключалась не в том, что Россия была слабой, а в том, что её сила оказалась расколотой изнутри. Страна, обладавшая колоссальным потенциалом, стала жертвой предательства элит, равнодушия части общества и циничного расчёта внешних сил. То, что строилось веками, рухнуло за считанные месяцы, уступив место хаосу, который затем попытались закатать в железобетон новой идеологии. Но даже в самые тёмные годы память о былом величии не исчезла — она жила в сердцах эмигрантов, в трудах историков, в молитвах священников, в рассказах стариков. И сегодня, оглядываясь на ту погибшую Россию, мы обязаны не просто скорбеть о её утрате, но и извлекать уроки: без единства власти и народа, без верности традициям и готовности к честному труду никакое величие невозможно.

И тут появляются они. Бородатые теоретики из Европы — Маркс, Энгельс. Сидели в своих уютных кабинетах в Лондоне и писали сказки. Сказки о светлом будущем, о всеобщем равенстве, о диктатуре пролетариата. Красивые слова, да? «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, мир — народам!» А что на деле?

ГЛАВА 2. АНАТОМИЯ ОБМАНА: ЗЕМЛЯ, ФАБРИКИ И МИР

Обман 1: «Земля – крестьянам!». Дали землю? Нет! Её отобрали! Сначала Декретом о земле в 1917 году объявили частную собственность на землю вне закона. А потом, в конце 20-х, начали коллективизацию. Загнали всех в колхозы! Отобрали корову, лошадь, плуг. Сделали крестьянина рабом на государственной земле, работающим за «палочки» – трудодни.

До революции Россия была мировым лидером по экспорту зерна. В 1913 году мы экспортировали более 10 миллионов тонн. А что потом? Голод! Страшный голод 1921-22 годов, унесший жизни до 5 миллионов человек. А потом Голодомор 1932-33 годов – ещё 7-8 миллионов жертв! Это что, прогресс? Уничтожить своего же кормильца-крестьянина? Это регресс, это геноцид собственного народа!

Обман 2: «Фабрики – рабочим!». Рабочие получили фабрики? Фабрики национализировали, то есть отобрали у владельцев и передали государству, а точнее – партийной номенклатуре. Рабочий как был наёмным работником, так и остался. Только теперь у него не было никаких прав. Никаких профсоюзов, никаких забастовок. Попробуй забастовать в 30-е годы – расстрел как за саботаж! Новочеркасск в 1962

году помните? Расстреляли рабочих, которые вышли требовать снижения цен! Вот вам и «власть рабочих»!

Обман 3: «Мир – народам!». Самый циничный обман. Брестский мир 1918 года. Ленин и его банда, чтобы удержаться у власти, подписали позорнейший, унижительный договор. Мы отдали Германии и её союзникам Украину, Белоруссию, Прибалтику, часть Кавказа. Потеряли 1 миллион квадратных километров территории! Потеряли 50 миллионов человек населения! Потеряли 90% угольной добычи, 73% железной руды! Это цена, которую заплатили за власть большевики. А потом? Гражданская война! Брат пошёл на брата. Красные, белые... По разным оценкам, погибло от 10 до 17 миллионов человек! Это что, мир? Это кровавая бойня, устроенная ради утопической идеи!

За красивыми лозунгами скрывалась программа по демонтажу исторической России. Большевики не просто сменили власть, они объявили войну самой русской душе: вере предков, традиционной семье, частной инициативе и памяти о великой империи. Они целенаправленно разрушали крепёж:

- **Церковь** подверглась гонениям, храмам сносились купола, а священников расстреливали.
- **Традиционная семья** объявлялась пережитком, продвигались идеи «обобществления».
- **Русская история** переписывалась как сплошная цепь угнетения, от которой нужно отказаться ради утопии.

Посмотрите, во что это вылилось. В уничтожение русско-го крестьянства-фермера через насильственную коллективизацию и голод. В ГУЛАГ — невиданную систему рабского труда для собственного народа, перемоловшую миллионы жизней инженеров, ученых, военных и простых людей. В разгром генетики, кибернетики и гуманитарных наук. В физическое истребление цвета нации — офицерства, духовенства, интеллигенции, предпринимателей. В 1930-е годы страна жила в атмосфере тотального страха, когда ночью любой стук в дверь мог означать конец.

Нам говорят про индустриализацию. Да, ценой нечеловеческих усилий и жертв мы построили заводы. Но какой ценой? Ценой превращения всей страны в один большой лагерь. Мы покупали технологии за золото, вырученное от продажи за границу зерна, отобранного у умирающих от голода крестьян, и церковной утвари. Это была победа над собственным народом, а не естественный путь развития, который давала нам органика Российской Империи. Транссиб строился десятилетиями при живых людях, а Беломорканал — на костях заключенных за пару лет.

И самое страшное преступление этой идеологии — попытка подменить нашу тысячелетнюю цивилизационную идентичность суррогатом «новой общности». Идеологи коммунизма хотели сделать нас «Иванами, не помнящими родства», манкуртами, отказавшимися от своего имени, веры и славы предков ради интернационального хомута. Они от-

резали Россию от ее собственных корней, превратив живое древо государства в телеграфный столб.

Именно поэтому, когда грянула Великая Отечественная война, пришлось срочно возвращать из небытия имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова. Сама советская власть поняла: победить внешнего врага невозможно, призывая защищать абстрактные Советы. Пришлось звать защищать Родину-Мать, русскую землю и историческую память. Народ встал за Россию, а не за III Интернационал.

Коммунизм ушел, но его метастазы до сих пор отравляют наш организм. Утраченная преемственность элит, демографическая яма, презрение к собственности и закону, иждивенчество — всё это шрамы той эпохи. До сих пор наше общество расколото: одни цепляются за красные звезды, другие скорбят по взорванным храмам. Эта трещина проходит через наши семьи.

Мы обязаны трезво смотреть на XX век. Признать величие народного подвига в войне и труде, но при этом осудить преступную природу режима, который этот подвиг вымучил. Наша задача сегодня — залечить эти раны. Вернуть народу чувство хозяина на своей земле, восстановить прерванную связь времен и вновь осознать себя наследниками великой тысячелетней державы. Не для того, чтобы сводить счёты с прошлым, а для того, чтобы обеспечить будущее нашим детям. Россия исчерпала свой лимит на социальные экспе-

рименты. Нам нужен эволюционный путь, опирающийся на сильную государственность, традиционные ценности и здравый смысл.

ГЛАВА 3. ВОЙНА ПРОТИВ ГЕНОФОНДА: УНИЧТОЖЕНИЕ ЛУЧШИХ

Коммунизм – это идеология, которая ненавидит лучших. Она ненавидит умных, талантливых, предприимчивых. Ей нужен был «человек массы», винтик в системе.

Кого уничтожили в первую очередь? Дворянство и аристократию. Это носители культуры, офицерской чести, государственного мышления. Их расстреливали, топили на баржах, выгоняли из страны. «Философский пароход» помните? 1922 год. Лучших умов – Бердяева, Ильина, Сорокина – просто вышвырнули из страны! Сказали: «Нам такие умные не нужны!»

Духовенство. Тысячелетиями Церковь была духовной опорой народа. Что сделали коммунисты? Взрывали храмы, расстреливали священников, превращали монастыри в тюрьмы и склады. Они хотели вытравить из души русского человека веру, совесть, Бога. Заменить это всё портретами Маркса и Ленина.

Купечество и предпринимателей. Тех, кто умел создавать, торговать, строить. Их объявили «буржуями», «мироедами», «эксплуататорами». Имущество отобрали, а самих – под нож. Уничтожили целый класс людей, которые были

мотором экономики!

Крепкое крестьянство – кулаков. Самых работающих, самых толковых хозяев на селе. Тех, кто не пил, а пахал с утра до ночи. Их раскулачивали, ссылали семьями в Сибирь, на верную смерть. За что? За то, что у них было две коровы, а не одна! За то, что они не хотели идти в рабство в колхоз!

Мы получили отрицательную селекцию! Лучших, самых пассионарных, самых умных и деятельных либо убили, либо выгнали. А наверх поднялись кто? Шариковы! Те, кто «всё отнять и поделить». Это страшнейший удар по генофонду нации, последствия которого мы ощущаем до сих пор!

Не пощадили и техническую элиту — инженеров, конструкторов, изобретателей, тех, кто держал на плечах индустриальный каркас страны. В царской России уже складывалась мощная инженерная школа: Путилов, Шухов, Яблочков — это имена мирового уровня. Но в новой системе «старорежимный специалист» стал фигурой подозрительной. Его терпели лишь до тех пор, пока без него нельзя было обойтись, а потом находили повод обвинить во «вредительстве». Знаменитые «Шахтинское дело», процессы над «Промпартией» — это не просто репрессии, это сознательная ликвидация носителей уникального производственного опыта. Уничтожая их под предлогом борьбы с саботажем, власть рубила сук, на котором сидела: ведь именно эти люди знали, как реально работает завод, шахта, железная дорога.

Особая страница трагедии — удар по военной касте. Рус-

ское офицерство веками формировалось как особый нравственный тип: честь, служение, личная ответственность. После 1917 года этот тип объявили «классово чуждым». Расстрелы, «красные терроры» в городах, массовые казни в Крыму после эвакуации Врангеля — всё это было не просто местью побеждённым, а целенаправленным искоренением традиции государственного служения. Оставшихся пытались перековать, но даже те, кто принял новую власть, жили под дамокловым мечом: «Дело военных» 1937–1938 годов добило остатки старой школы. Сколько будущих побед было потеряно в те годы, сколько талантов сгинуло в подвалах — мы можем только догадываться. И когда в 1941м страна встала перед лицом смертельной угрозы, ей пришлось платить за этот разгром самой дорогой ценой — жизнями миллионов, потому что не хватало тех самых командиров, которые умеют думать, брать ответственность и вести за собой.

Не менее разрушительной оказалась атака на крестьянскую этику труда. Раскулачивание ударило не просто по зажиточным хозяйствам — оно выкорчёвывало саму модель трудолюбия. Ведь «кулаком» объявляли не столько богатого, сколько работающего: того, кто вставал раньше всех, работал до темноты, не пил, держал хозяйство в порядке. Советская пропаганда изображала его эксплуататором, но в реальности это был хозяин, который знал цену каждому зерну, каждой лошади, каждому рублю. Уничтожив его, система получила колхозную уравниловку, где личная инициати-

ва наказывалась, а лень и халатность становились нормой. И это тоже был удар по генофонду — не в биологическом, а в нравственнотрудовом смысле: из народа выбивали привычку к ответственности и самостоятельности.

Нельзя обойти и судьбу творческой интеллигенции. Да, часть писателей и художников сумела встроиться в новую систему, но цена этого встраивания была чудовищной: отказ от свободы мысли, самоцензура, а зачастую и прямое участие в травле коллег. Те же, кто не мог поступиться принципами, оказывались в опале, в ссылке, в лагере. Мандельштам, Гумилёв, Цветаева — это лишь самые громкие имена из тысяч сломанных судеб. Культура, которая веками формировала национальный характер, была поставлена под жёсткий контроль: её задачей стало не воспитание личности, а обслуживание идеологии. В результате целые пласты национальной памяти оказались вычеркнуты, а на их место пришли упрощённые, схематичные образы «нового человека», лишённого корней и исторической глубины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.